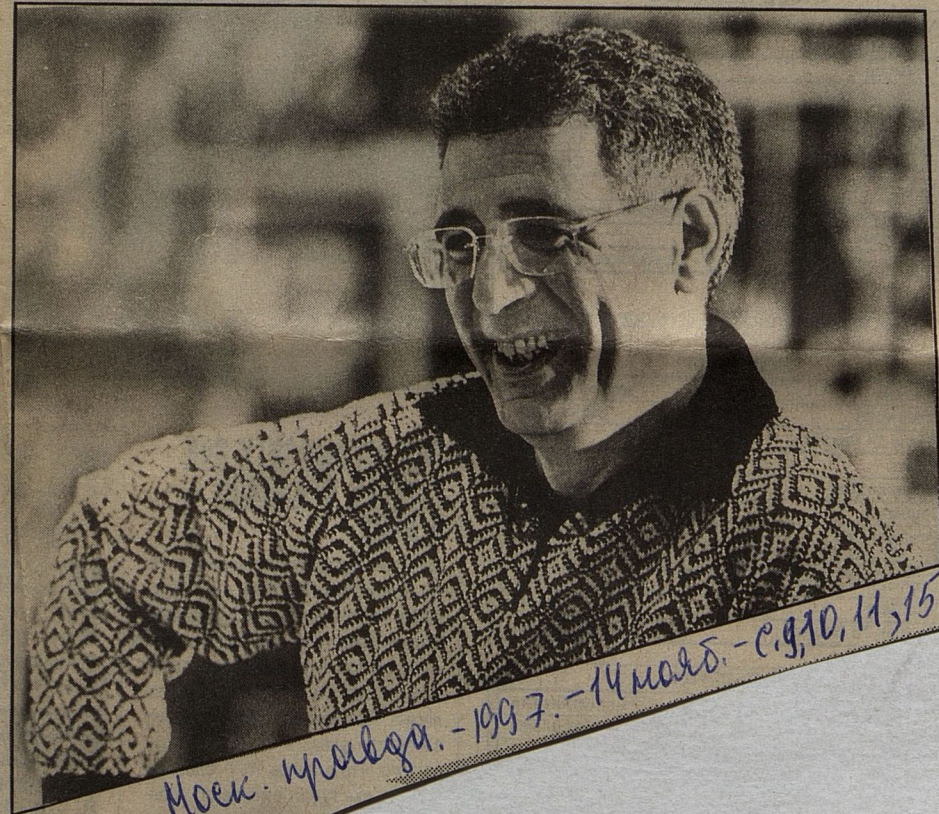

СОВЕРШЕННО СЕРЬЕЗНЫЙ И СЛОЖНЫЙ РАЗГОВОР С ЛЬВОМ НОВОЖЕНОВЫМ О СМЕШНОМ НА ФОНЕ РЕДАКЦИОННОЙ ТЕКУЧКИ

В просторной, но еще не обжитой комнате редакции “Сегоднячко” шла обычная рабочая жизнь: кресла стояли в беспорядке, постоянно звонили телефоны, куда-то отправлялись и откуда-то приезжали машины, кто-то выяснял, куда надо звонить, чтобы выяснить все о ремонте какого-то садика, кто-то ходил по комнате, придумывая концовку, кто-то кого-то ждал и с кем-то беседовал, кто-то стрелял сигареты и искал ручку. Лев Новоженев кому-то кивал головой и о чем-то спрашивал, мне приходилось постоянно выключать диктофон, и я волновалась, что мне ни за что не удастся сделать из всего этого что-то связанное.

А привело меня к Новоженеву желание узнать из первых уст о том, как поссорился Лев Юрьевич с Анатолием Григорьевичем. У “Времечка” появился братишка “Сегоднячко”. И хотя фамильное родство этих детишек не оставляет сомнений, характером они явно отличаются. “Времечко” в последнее время становилось все более и более агрессивным, нахальным таким подростком, смакующим “ужастики” и получающим садистское удовольствие от чужой боли, с уходом Льва Новоженева из него исчезло нечто, что словами не выразишь, но что принято в критической литературе определять понятием “стиль”. Исчезла из него новоженевская лирическая интонация, немного грустная и всепонимающая, когда и смех, и слезы, и ощущение, что эта тетя Маня и этот дядя Ваня – такие близкие тебе люди, что, может, ты и сам в прошлой жизни был ими или, может, станешь...

Моек. правды. - 1997. - 14 маяб. - с. 9, 10, 11, 15

СОВЕРШЕННО СЕРЬЕЗНЫЙ И СЛОЖНЫЙ РАЗГОВОР С ЛЬВОМ НОВОЖЕНОВЫМ О СМЕШНОМ НА ФОНЕ РЕДАКЦИОННОЙ ТЕКУЧКИ

Продолжение. Начало см. на титульном листе “МузПравды”.

1. КАК ОН УШЕЛ ОТ МАЛКИНА

— Лев Юрьевич, в связи с тем, что ваше детище сменило имя, возникают разные толки и пересуды, вызывающие повышенный интерес к вашей персоне. Как вы сами можете прокомментировать ваш разрыв с ATV?

— Ну, во-первых, программа изменила только часть имени, суффикс остался, а основная причина моего ухода с ATV заключалась в том, что на дальнейшее развитие программы “Времечко” у меня с президентом компании и генеральным продюсером Анатолием Малкиным сложились совершенно разные взгляды.

Малкин хотел быть единственным, полновластным хозяином, и фактически всевозможными методами выводил программу из-под моего руководства, на разных этапах происходило немотивированное вмешательство в ход дела. Безусловно, продюсер является соучастником создания программы, но должны существовать определенные границы. Все зависит от внутреннего чувства такта и умения вовремя сказать себе “нет”. Должно существовать разумное разделение власти, а в данном случае уже было непонятно, где кончался продюсер и где начинался я. Передача погрязла во множестве рутинных штампов и самоплагиате, ее развитие в какой-то момент остановилось. То, что перестает меняться, обречено на гибель, это закон. Программа и коллектив начали сами себя цитировать.

Самоутверждение — вещь хорошая, но оно должно подкрепляться практикой, а не лозунгами. Это сложно, кроме того, мне хотелось, чтобы передача стала более легкой, чтобы в ней не было пошлости, которые выявляются в том, что программа начинает ломиться в дверь, используя прием подмены. На экране одно, а комментарии совершенно другие. А картинка никогда не лжет. Я хочу уйти от приземленности и обыденности на другой уровень, чтобы в единичном явлении проявились проблемы жизни, бессмертия, совести, страны, может быть, всего человечества. Связи между частным и общим, которые делают нашу жизнь более осмысленной, были нарушены. Когда ощущаешь свое единство с человечеством и видишь, что твои проблемы, как в капле воды, отражаются в жизни других, жить становится гораздо легче. Я осознал, что определенный этап моей жизни на телевидении подошел к концу, мои взаимоотношения с ATV, с этими людьми, исчерпали себя. К тому же, НТВ решило прервать сотрудничество с Авторским телевидением, и я должен был выбрать, оставаться мне на IV канале или в телекомпании Авторское телевидение. Я выбрал первое, потому что для меня важна эта аудитория, этот зритель.

— Ваша программа, сохранив уменьшительный суффикс, не поменяла свою концепцию?

— Она сохранила объект своего внимания и сферу интереса, что касается концепции, то это вещь изменчивая. Программа сейчас маленькая, в том смысле, что она новая. Это молодой, растущий организм, который обладает в силу своей молодости большими ресурсами. Она продолжает расти и будет меняться в ростом. Для меня очевидные вещи: когда ребенок растет, он меняется, в детстве он не похож на взрослого человека, так что говорить сейчас о концепции трудно. Можно сказать, что это “римейк” предыдущей программы.

— Ваша маленькая программа принципиально посвящена проблемам маленького человека. Не побоюсь громких слов, заявив, что вы продолжае-

те гуманистические традиции русской литературы. А как вы считаете, маленький человек нашего времени сильно отличается от своего классического прототипа?

— Да, продолжаю традиции. Куда же от них деться? Они везде, и об этом невозможно забыть. И наш принцип — увидеть большое в маленьком и маленькое в большом. А маленьких людей, на самом деле, нет, все мы одинаковы... В любом, так называемом, великом человеке, которого принято считать великим, в нем тоже живет маленький человек. Все мы в конечном итоге равны перед судьбой, перед смертью, перед болезнью. В каких-то внешних вещах, ну, в социальном положении, в размерах материального состояния, не равны, но все это уравнивается природой перед неизбежностью кончины. Я не думаю, что маленький человек сегодня отличается от маленького человека, жившего когда-либо в другую эпоху. Одно дело, жизнь государства или там политика — она часто бывает совершенно отдельной от жизни народа. Правительство живет в одном виртуальном измерении, а народ в другом, кто кому должен попадать в тон? Понятно, что правительство должно соотносить свою жизнь с жизнью народа, подлаживаться под него, если это хорошее правительство. А плохое — оно живет в одном государстве, а народ в другом.

Так мы жили до недавнего времени, так мы продолжаем жить и сейчас. У маленького человека во все времена какие были заботы? Детей народить, хозяйством обзавестись, подумать о том, что завтра есть, достойно умереть, ну и так далее, и тому подобное... И это всегда было присуще маленькому человеку. Большие люди рассуждают о великом, о глобальном, о путях развития, о судьбах народа, но судьба конкретного человека с этим не всегда совпадала. Государство в одну сторону движется, а простому человеку нужно в другую. И эта программа — попытка соединить намерения простого человека с общечеловеческим (окружающим). Дайте мне “Парламент”!

— Не кажется ли вам, что в связи с теми социальными потрясениями, которые произошли в нашем обществе, ваша аудитория статистически увеличилась?

— (Рассеянно закуривает.) Я надеюсь, что это так. Мы ведь ориентируемся на универсального зрителя, массового, а не на какой-то определенный социальный слой.

— Да я имела в виду, что число незащищенных маленьких людей увеличилось.

Продолжение читайте на 3-й “Музыкальной Правды”.

СОВЕРШЕННО СЕРЬЕЗНЫЙ И СЛОЖНЫЙ РАЗГОВОР С ЛЬВОМ НОВОЖЕНОВЫМ О СМЕШНОМ НА ФОНЕ РЕДАКЦИОННОЙ ТЕКУЧКИ

Продолжение. Начало см. на титульном листе и соседней странице “МузПравды”.

– А-а! Но ведь впросак или в какие-то неприятные ситуации попадают время от времени все. Людям, занимающим какое-то место наверху социальной лестницы, тоже временами приходится нелегко. Они иногда не могут для себя решить самых простых, элементарных вопросов, так же мучаются от бюрократов разного калибра. Это снизу кажется, что наверху нет проблем. Подробности не видны, но это лишь обман зрения. И у них вода течет, и кран не закрывается. Большие деньги и связи не все решают в жизни, наши герои находятся на разных ступенях социальной лестницы, но мы о них начинаем рассказывать, когда их преодолевают чисто житейские заботы.

2. СЕКС – ЭТО УДОВОЛЬСТВИЕ

– А ваше участие помогает людям решить их проблемы?

– Кому-то помогает реально и практически, а кому-то просто необходимо разделить свое горе: когда тяжкую ношу несет один человек, ему очень тяжело, а когда несколько человек, то ему уже легче... Когда человек понимает, что он не одинок, что есть еще кто-то в мире, кто находится в таком положении... Надо по-

мочь людям высказаться, дать возможность услышать какие-то слова сочувствия.

– В последнее время появилось много проблем, с которыми раньше людям не приходилось сталкиваться...

– Много проблем было всегда, просто сейчас появилась возможность о многих из них говорить открыто.

– Легко ли быть юмористом в наше нелегкое время?

– Чем-то хорошим всегда быть трудно, во все времена. Шутить трудно, писать трудно, вообще самое трудное – это думать, а поскольку что-то хорошее, в том числе хорошая юмористика появляется в результате каких-то мыслительных усилий, то вот вам и ответ – трудно, конечно, но не потому, что “в наше время”, время – оно всегда наше, раз мы в нем живем. У журналистов принято отрешиваться от своего времени, это даже как-то некрасиво. Время нельзя предавать, оно наше, и мы все являемся его соавторами, а не только наши правители.

– Вы по натуре оптимист?

– Да я нормальный человек. Каждому дан в на-

следствие определенный запас оптимизма, определенный запас страха, определенный запас прочности...

– Говорят, что человек, для которого юмор – это профессия, в жизни, в общем-то, невеселый.

– Понимаете, все, что для некоторых является удовольствием, для других – профессия, и это рождает различное отношение к предмету. Секс – это удовольствие, да? (оценивающе) Для вас секс удовольствие?

– (смущенно, заливаясь краской) Конечно!

– А для проститутки – это работа, она уже по-другому относится к сексу. Вы можете себе позволить пошутить иногда, а если вам придется этим себе хлеб зарабатывать? Тогда вы к этому по-другому будете относиться.

Есть люди, которые очень любят кино, а есть люди, для которых это профессия – смотреть кино. Это трудно, от этого устаешь, человеку хочется когда-нибудь отдохнуть от этой работы. Есть дегустаторы. Одно дело – выпить там коньячку в свое удовольствие, и совсем другое дело – ходить каждый день на работу и определять достоинства этого коньяка. Понимаете? Вы же к коньяку тогда будете относиться по-другому... Так и юмористы...

– В наше время стало больше поводов для смешного?

– Их всегда было много, а сейчас жизнь раскрепостилась, много произошло революционных изменений, новые какие-то реалии появились, много размороженных тем. Сейчас пиши – не хочу, но новое всегда труднее осмыслить, гораздо привычнее воспроизводить что-то уже знакомое.

– В период застоя у нас был актуален политический анекдот, а сейчас?

– В каком-то смысле было легче работать, было легче проявлять свою смелость, потому что власть была уже одряхлевшая, она уже не могла принести тебе много неприятностей. Все было привычное, враг был в принципе известен. Сейчас – время другое, все смешалось, не разберешь, где свои, где чужие, где правые, где неправые. Люди дезориентированы, художники тоже. Если раньше можно было совершать подвиг отрицания (кстати, что-то отрицать – это легче, чем что-нибудь утверждать), то сегодняшний подвиг заключается в осмыслении, а это посерьезнее, потому что думать – трудно.

– А как вы считаете, у нас в обществе появился сейчас новый комический тип?

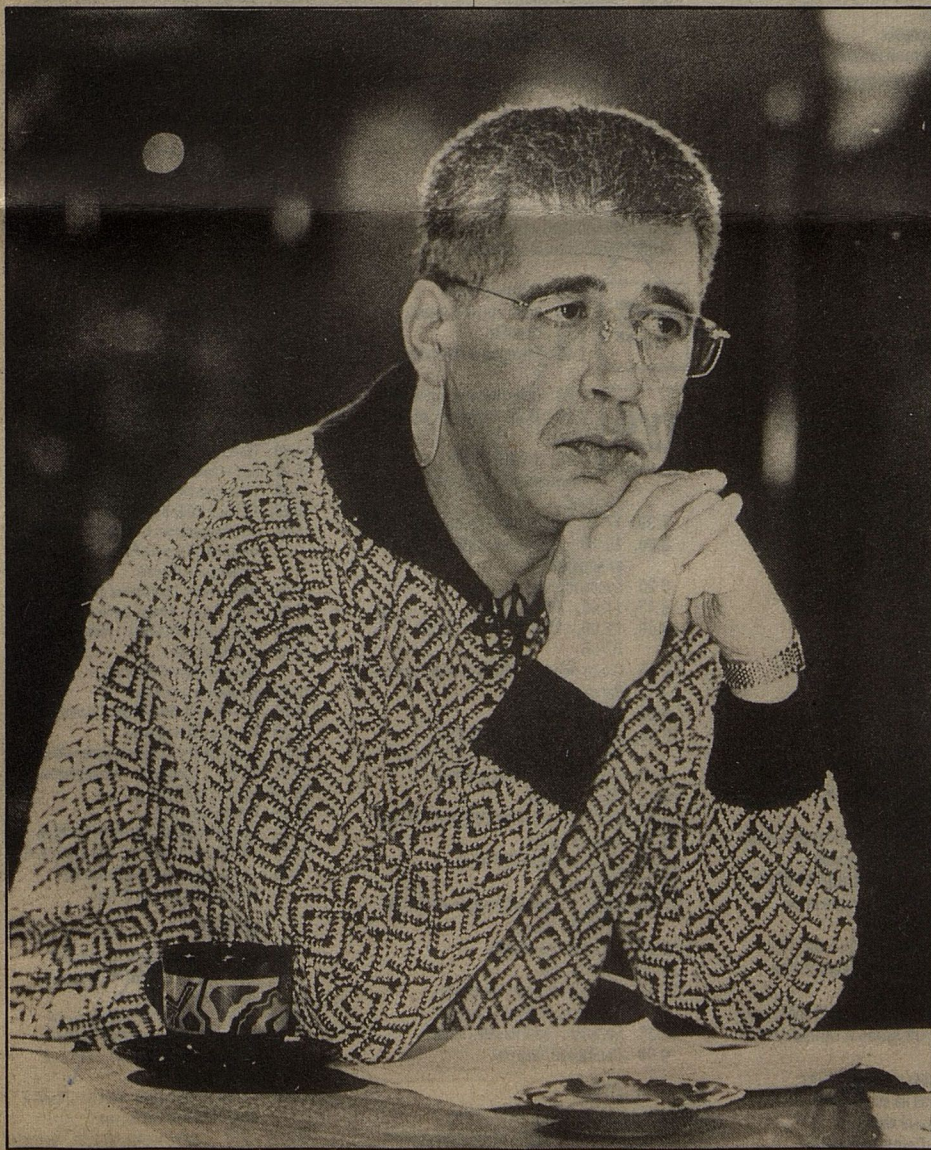
– Ну, тут и говорить нечего – новый русский, это видно по анекдотам. Но о них говорят все-таки добродушно, без той злобы, с которой говорили о генсеках. В анекдотах, высмеивающих этот тип, чувствуется и какая-то симпатия, что ясно намекает на то, что этот тип должен развиваться во что-то более ценное для этого самого типа и для жизни.

– Как вы считаете, проблемность времени способствует смешному?

– Вообще проблемность способствует движению, потому что проблемы приходится решать, процессы мыслительные убабляются. На то, говорят, и щука в озере, чтобы карась не дремал, на то и проблемы, чтобы люди быстрее крутились, чтобы будить воображение, находчивость, смекалку, – это хорошо.

– Говорят, на Западе проблемы с юмором: эмигрантские власти Канады даже ввели особую квоту на въезд для писателей-юмористов.

Продолжение. Окончание читайте на 7-й стр. “Музыкальной Правды”.

3. “ВРЕМЕЧКУ” – ВРЕМЯ...

– А в школе вы были весельчаком?

– Да я всегда был не особенно унылым человеком, но по типу я не хохотун, у меня такой грустный юмор.

– А кем вы хотели быть?

– Я всегда хотел быть путешественником, но когда такая возможность наконец представилась, я уже расхотел, все-таки на склоне лет...

– А кем вы начинали свою трудовую жизнь?

– На Западе проблемы, конечно, есть, многие даже более острые, чем у нас. Это поверхностный взгляд на вещи, когда у нас считают, что там нет проблем, но насчет проблем с юмором я не уверен. На Западе существует замечательный юмор: английский, французский, американский – все эти народы обладают большим чувством юмора, это общеизвестно. Просто по качеству – это другое.

– А чем русский юмор отличается?

– Отличия русского юмора вытекают из рабского положения русского человека, из его крепостной зависимости. Дело в том, что игра с подтекстом – это привычка народа, которому долго не давали возможности ни о чем говорить в открытую, из-за этого вырабатывались лакейские качества, изворотливость, стремление сказать как-нибудь так, чтобы не уличили. Свободные народы, ангlosаксы, например, могут позволить себе говорить без подтекста. А в России за чувство юмора принято было выдавать двойную бухгалтерию: говоришь, одно, имеешь в виду другое, рассчитываешь на третье, и всегда есть возможность отпереться от своих слов, мол, я не это хотел сказать, вы меня не так поняли. Там, на Западе все более определенно, и юмор определенный. Русский юмор основан на подтексте.

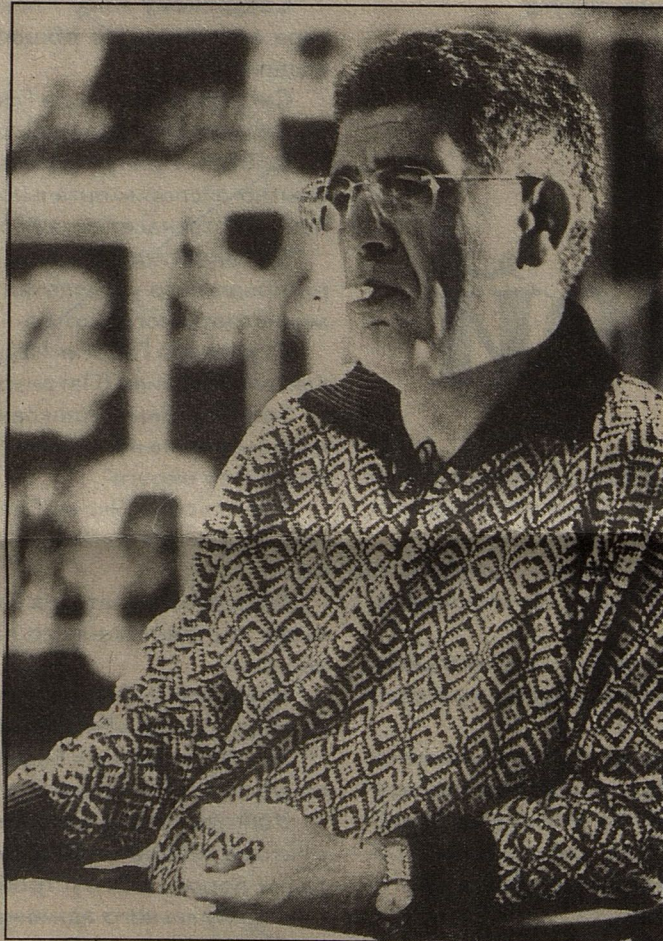
И потом, реалии жизни выработали в народе мечту о неслыханном богатстве, которое вдруг почему-то свалится на голову. Характерные черты русского юмора – мошенничество, обжорничество. Но сейчас все смешалось и невозможно говорить о специфическом русском юморе. Россия – это конгломерат народов, и в результате этой кухни вырабатывается нечто новое, которое уже не имеет национальной определенности, появляется юмор того народа, который варится в этом плавильном котле, сначала имперском, царском, потом в имперском, советском. Это уже юмор не одного, а многих народов.

– Как вы относитесь к известной фразе, что человечество, смеясь, расстается со своим прошлым?

– Как все парадоксы, она и правильная, и нет: иногда смеется, иногда плачет. Иногда, смеясь, даже хохоча до упаду, все-таки не расстается, потому что это очень сложно, болезненно – расставаться с прошлым. Как вы думаете, эпоха Возрождения была легким временем? У них была масса проблем, и все это вызвало всплеск человеческой мысли: новые земли открывались, изобретения всякие появились, замечательные картины, стихи... Жизнь вызвала человека на пределе его возможностей, он принял этот вызов, выпутался из своих проблем – и победил. Если бы время было спокойное, разве появилось бы столько достижений? Вот и сейчас у нас появился такой шанс.

– Как-то сейчас не ощущается, что нам очень тяжело и мы готовы смеяться.

– Юмор – это экипировка бедняка, он согревает, когда надеть нечего, то, что насыщает, когда поесть нечего. А богатые могут себе позволить говорить серьезно, потому что им и так тепло, поэтому в их среде вырабатываются другие, более изящные формы общения и юмора. Ну, это сложный разговор...

– Я был учеником слесаря-сборщика на одном из московских заводов.

– И о литературе не помышляли?

– Помышлял, но мне казалось это такой недостижимой целью, поэтому я решил начать с того, с чего начинают многие литераторы – с жизни, с обычного человеческого опыта.

– А как юмор стал вашей профессией?

– Однажды к моей жене приехала сестра, мы гуляли, женщины все время разговаривали между собой и все время заходили в магазины. Мне было скучно, я решил сам себя развлечь и стал в уме сочинять рассказ, потом перенес его на бумагу, а его взяли и напечатали. Это меня очень окрылило, побудило к дальнейшим писаниям.

– А “Времечко” как появилось?

– Ну, об этом так много писали... Оно возникло из предложения, которое поступило от IV телевизионного канала сделать информационную передачу. Ну вот, так и придумалось. Денег было мало, сил было боль-

ше, времени тоже, может, и с воображением проще было. Я бы так сказал – от бедности оно возникло, от моей собственной бедности и от бедности того канала, на который я был приглашен.

– Помимо римейка “Сегоднячка” у вас имеются другие проекты?

– “Старый телевизор” уже идет в эфире.

– У вас появилось чувство ностальгии по времечку вашей молодости?

– Трудно говорить об этом, лучше увидеть. Есть

такой анекдот периода коммунистического господства: “Что такое секс по-советски? Один русский рассказывает другому русскому, как в Польше видел одного поляка, который рассказывал, что он ездил в Швецию и видел там порнофильм...”

– Вы и героев анекдотов делаете героями своих передач. Я имею в виду три типичные фамилии “Иванов. Петров. Сидоров”. Это был расширенный вариант “Времечка”?

– Это был не расширенный, а дневной вариант “Времечка”, его младший брат, там были и народные ведущие. Все телевизионные проекты, в которых я участвую, неизбежно приобретают какие-то мои черты. Это нормально, когда дети похожи на своих родителей. Я же не могу сделать так, чтобы мои дети совершенно на меня не походили. Те, кто упрекает меня в однообразии, пусть попробует родить трех или четырех совершенно разных младенцев. Тогда их жен можно будет заподозрить в неверности.

– Вы начинали свою трудовую биографию учеником слесаря, а кем вы ощущаете себя сейчас?

– Прежде всего, я человек, который общается с людьми, – это моя главная профессия. По образованию и по роду деятельности – я журналист, редактор. По складу мышления – литератор. Я все время пишу или думаю, или говорю как литератор. Это особое качество – пропускание через себя всех жизненных впечатлений, это мое имманентное свойство, которому не всегда есть время проявиться, но оно во мне постоянно живет. Сейчас должна уже появиться моя книжка “О времечке и о себе”. Там и рассказы, и размышления о жизни...

– Вы часто попадаете в смешные ситуации?

– Не менее часто, чем все другие люди. Просто другие, наверное, не всегда оценивают эти ситуации как смешные. Все зависит от способности к оценке, только не все это понимают.

– Вы в каждой ситуации находите что-то смешное?

– (очень серьезно) Да, безусловно, даже в этом интервью много смешного...

– Юмор помогает жить?

– (устало) Ну, помогает...

– А у вас есть любимый анекдот?

– Любимый анекдот всегда тот, который я только услышал. Вот сегодня кто-то из ребят рассказал: “Приходит больной к окулисту и жалуется на зрение. Доктор ему говорит: “Ешьте больше морковки!” Больной удивлен: “А что, помогает?” Окулист отвечает: “Конечно! Вы когда-нибудь видели зайца в очках?”

И тут я замечаю на носу у Новоженова очки.